

ЕСЛИ ОН ПРИНЕС ДОМОЙ А КТО-НИБУДЬ ВЗЯЛ ДО НЕГО»

О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ АКТЕРЕ СЕРГЕЕ ФИЛИППОВЕ ВСПОМИНАЕТ ЕГО ВНУЧКА

— Ему было 32. Ей — 45, она 1899 года рождения. Так что между ними не двадцать лет разницы, а всего тринадцать. И не была она ни глупой, ни некрасивой, как об этом тоже писали. Филиппов — огромного роста, а бабушка была совсем миниатюрной, но прекрасно сложена. Очень белокожая, рыжая, с черными глазами. Она была незаконнорожденная дочь графа Соллогуба, хотя об этом, как член партии, никогда не рассказывала. Первым мужем ее был Василий Захарович Голубев, директор Пушкинского заповедника в 1937 — 1939 годах. Все, что есть там, сохранено им. Его призвали в армию. Погиб он на Невском пятачке в 1941-м.

Она работала детским писателем. Ее биографию Сергея Кирова «Мальчик из Уржума» даже проходили в школе. Сотрудничала с Маршаком, с Сергеем Михалковым — он даже к ней сватался. Но бабушка сказала: «Не пойду за старика».

Поэт Михаил Дудин мою бабушку тоже страшно любил и посвящал ей стихи.

Но выбрала она Филиппова — хотя в те годы был он нищий, буквально в одних штанах ходил.

Они с бабушкой страшно друг друга любили и мало с кем общались; никто им был не нужен. Друг для друга у них были придуманы специальные имена. Он ее называл Барабулька, или Тряпконосик, или Барабульняц какой-нибудь... А она его — Долгоносик. Постоянно писали друг другу записки, а если он уезжал на гастроли — письма. И в этих письмах — ни одного неприличного слова. Никаких «я тебя хочу». Максимум — «Я тебя очень хочу видеть».

Вот она ему пишет: «Взял ли ты носки, поменял ли ботинки?» Он все время ходил в рваных ботинках и обещал, что купит туфли. А он ей: «Ну, Барабулька Тряпконосик, я вернусь к тебе и что-нибудь привезу. Привет Пучиме». Пучима — это их кот. «Заклинаю, плюнь на все ваши писательские интриги и кончай книгу. Лобызая в носик (печально повисший, как флажок в безветренную погоду). Будь здорова и не хворай. Пиши разборчиво, ни хрена не понимаю». Надо сказать, у нее действительно был ужасный почерк. Они и на гастроли ездили вместе, и меня много раз брали с собой — во Львов, Свердловск, Одессу. Я была у них Барабулькой маленькой.

Из труппы Театра Комедии мне ужасно нравился будущий заслуженный артист РСФСР Геннадий Воропаев — настоящий красавец. Я на гастролях во Львове даже сшила себе какое-то платьице, — которое бабушка запретила мне надевать, — и подглядывала за ним, как он ходил за водой. Я тоже была хорошенькая, и Акимов мне все говорил: «Подожди, на тебя еще охота будет». Меня очень любил и Иван Александрович Пырьев, мы с ним общались на съемках фильма «Наш об-

щий друг». Все время возил меня шашлык есть.

Конечно, дед был с характером, да и бабка тоже строгая. Они не хотели, чтоб я становилась актрисой. Дед знал, что и Акимов, и многие другие режиссеры молоденьких актрис держат при себе не только для ролей.

Уже гораздо позже я училась на юрфаке и как-то раз зашла в Театральный — посмотреть, как сдают экзамены. Посидела час или полтора. А там набирал курс Игорь Владимиров. И он меня тоже пригласил. Говорит: «Вы нам подходите. Приходите сразу на первый тур, мы вас возьмем». Я

шкафы, кажется, забрали на «Ленфильм» после его смерти. Но у меня осталось много его книг.

Вообще он читал бесконечно — еще в школе пристрастился к чтению. И не дай бог, если он принес домой книжку, а кто-нибудь взял ее почитать до него. Был бы скандал. Он прекрасно знал русскую классику, помнил наизусть множество стихов. Из его писем видно, какой он был начитанный. Тут Пушкина процитирует, там Лермонтова...

— И кто у него был любимым автомобилем?

— Пожалуй, Лопе де Вега и Максим Горький. Он и сам довольно много писал. У него что ни слово — то перл. Он сочинил целую книжку под названием «Гервасий-горемыка». Монах отец Гервасий — это он такое себе придумал имя. Ее не напечатали, правда. Там всякое неприличное. «...А посему отыскать Гервасия и свергнуть его в кинопучину всяческих мерзостей и неблагоприятных поступков, каковые имеются в каждом мало-мальском талантливом сценарии».

Сохранились и бумажки, в которых он записывает свои жизненные выводы: «Герцен говорил: «Почему мерзавцы одерживают верх над порядочными людьми? Потому что порядочные люди обращаются с мерзавцами, как порядочные люди. А мерзавцы обращаются с порядочными людьми, как с мерзавцами». Так нет же пощады мерзавцам! Сыграю я бандита — и несколькими бандитами будет меньше. Сыграю жулика — и несколькими жуликами меньше».

«Очень нелегко писать о себе. Пишущего о себе подстерегают две крайности. Или он излишне хвастлив и самоуверен — или начинает прикидываться эдакой казанской сиротой... В 60-м году я закончил кинокомедию «Осторожно, бабушка!», поставленную режиссером Кошеверовой. В будущем предполагаю сняться в двух картинах. Могу сказать только одно: я приложу все усилия со своей стороны, чтобы советский зритель остался доволен».

Или вот его письма, открытки к Барабульке: «И вот меня встречает моя любимая, и вот я слышу ласковый щебечущий голосок: «Где был? Ты почему так поздно? Дыхни! Сейчас будем обедать. На, наточи ножи. Иди за хлебом. Тебе одному нельзя...» «Нет, скорее в тихую обитель, к себе» — так думал я, а сам радовался, что завтра, 8 марта, у пресветлой Барабульки будет праздник, и уж тут-то она себя пока-

В облике опытного рыбака — совсем не привычном для поклонников таланта Филиппова!

Над секретером актера — его надгробный бюст.

пришла к бабушке, рассказала. Он говорит: «Ты больше можешь туда не ходить. Я позвоню, и тебя никто не возьмет». Ну, я и не пошла больше.

— А где они жили?

— У Филиппова была своя комната на набережной Кутузова. Но он отдал ее Союзу писателей и в обмен получил комнату в квартире бабушки, в доме №9 по каналу Грибоедова, построенном Трезини. И вы бы видели эту квартиру №24! Кухонька без окна. Три комнатки по десять метров или меньше. Проваленный диван, на котором он даже не мог вытянуть ноги, и тахта. Горами лежали книги, вырезки, журналы... У него была огромная библиотека. Все его фото с бабушкой — на фоне книжных шкафов. Их он сам сделал. Вообще он очень любил делать какие-то такие домашние вещи, рамки для картин... А

жет. А я спешу поздравить ее с этим праздником и желаю ей никогда не терять чувства юмора. Пусть ей снятся мартовские мужчины (только снятся!) А я поеду в свою келью. И восьмого утром, с первыми лучами солнца, я воскликну: «Да здравствует Барабулька в день Восьмого марта!»

Мы все время ходили к ним в гости. Приносили им что-то вкусненькое. В старости они уже не ходили гулять. В доме были длиннющие коридоры, и сначала даже не было лифта; потом все-таки пристроили. Бабушка умерла 20 ноября 1989 года. Ей было 90 лет. Вместе они прожили 46. Я ее хоронила. С похоронами никто мне не помогал. Филиппова я буквально заставила одеться и пойти провожать.

Он скончался через пять месяцев. Это неправда, что его все забыли, что он умер дома и был найден в квартире только через две недели. Нет, мы положили его в ту же 46-ю больницу, где до него лежала бабушка. С «Ленфильма» к нему приезжали, брили его. В палате у него был телевизор. 19 апреля (1990 года. — Ред.) из больницы позвонили и сказали, что дедушка умер. Я приехала в больницу и увидела, что с него были сняты даже часы. Все ценное было унесено. Неправда и то, что «Ленфильм» не дал ни копейки на похороны: и гроб, и отпевание — все было оплачено именно киностудией. Поминки были в этой самой комнате.

— А что сделалось с той квартирой, где они жили?

— Вы не представляете, сколько я боролась за нее! Сколько было скандалов. Два года я билась за то, чтоб там был организован музей. Дело в том, что дедушка умер в 1990-м, а приватизация началась в следующем году. Поэтому квартира не успела попасть в частную собственность, а отошла государству. Был суд: сначала Дзержинский районный, потом городской, а после Верховный. И вот у меня ответ председателя Верховного суда по поводу квартиры: «Оставлено без удовлетворения по основаниям, изложенным на личном приеме». А на личном приеме член Верховного суда мне сказала: «Мне просто за нас стыдно — что такому известному человеку на тридцати метрах не дали сделать музей». Квартира была передана какому-то бухгалтеру. Много было безжалостно выкинуто. Исчезло его кожаное пальто, бабушкина шуба, изъеденная молью, бабушкины часы... Кое-что мне удалось вывезти. Осталась, например, одна его чашка. Насколько я знаю, уже много лет там собираются устроить гостиницу.